

РОССИЙСКИЙ ЕЖЕГОДНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА

2006
№1

БК 67.408
УДК 343
P76

Редакционная коллегия:

- Б. В. Волженкин* (Санкт-Петербург, гл. редактор);
Ю. В. Бутин (Харьков, Украина); *А. И. Бойцов* (Санкт-Петербург);
А. Э. Жилинский (Москва); *И. Э. Захаровский* (Москва); *А. Г. Кибальник* (Ставрополь);
А. Э. Жилинский (Екатеринбург); *В. С. Комиссаров* (Москва);
И. Я. Коляченко (Владивосток); *Н. М. Кропачев* (Санкт-Петербург);
Д. Л. Кузнецов (Ярославль); *А. В. Назлов* (Москва);
А. И. Рарог (Москва); *А. Н. Турбакаев* (Красноярск)

P76

Российский ежегодник уголовного права. № 1, 2006 / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Б. В. Волженкина. — СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. — 800 с.
ISBN 978-5-9645-0083-4

В первый номер «Российского ежегодника уголовного права» вошли статьи отечественных и зарубежных ученых и практиков. Представлены работы известных специалистов и молодых талантливых криминологов.

На страницах Ежегодника анализируются проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовной политики и криминологии, освещены вопросы международного уголовного права, новеллы законодательства и правоприменительной практики, а также замечательные события научной жизни.

Высокий уровень исследовательской мысли, индивидуальный подход к традиционным и новым для российского права проблемам, яркий полемический накал публикуемых работ, возможность охватить взглядом целостную картину отечественной уголовно-правовой доктрины на современном этапе ее развития делают настоящий Ежегодник уникальным в ряду изданий, посвященных вопросам уголовного права.

Ежегодник адресован юристам, изучающим уголовное право, и представителям иных общественных наук, а также всем тем, кто интересуется российским правом.

БК 67.408
УДК 343

ISBN 978-5-9645-0083-4

© Авторы статей, переводчики
© Издательство юридического факультета
С.-Петербургского государственного
университета, 2007

Причинность в структуре уголовного ответственности

1. Общая характеристика проблематики

Обращение к причинной связи в уголовном праве объясняется тремя основными факторами: потребностями правоприменительной практики, состоянием научной разработки данной проблемы, а также изменениями как уголовно-значимого поведения, так и уголовно-правового регулирования. Остановимся на этих двух факторах.

1. Состояние разработки уголовно-правовой причинности парадоксально противоречно. Кажется полезным указать на следующие обстоятельства.

Первое. Литература, посвященная причинной связи в российском, континентальном и англо-американском уголовном праве, настолько объемна, что уже плохо обозрима.¹ Изложение материала, относящегося к уголовно-правовой причинности, кажется избыточно полемичным, крайне изолированным, зачастую носит эссеистический характер, и это часто заставляет сомневаться в самой возможности его дополнительного анализа и оценки с современных позиций, не говоря уже об использовании практикой. Вместе с тем на разных языках появляются новые работы, явно стремящиеся вырваться из плена сложившейся традиции.

Все же положение адресатов уголовно-правового знания почти не меняется. Изначально сформулированные в литературе в качестве господствующего мнения представления о предмете исследования и содержании описания уголовно-правовой причинности, несмотря на появление новых интересных работ, остаются неизменными. В целом, в уголовно-правовой литературе игнорируются, как минимум частично, происходящие перемены и в преступном поведении, и в технике уголовно-правовых запретов. Этот тезис требует обоснования и будет рассмотрен ниже. Здесь сошлемся на следующее. Игнорируется нормативная основа причинной связи, различия между предметной и оценочной составляющей этой конструкции. Не исследуются вопросы причинения последствий, характеристика которых в уголовном законе является крайне общей (ст. 285 Уголовного кодекса РФ и др.).

* Доктор юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права факультета права Государственного университета — Высшей школы экономики, заслуженный деятель науки РФ.

¹ Обзор российской уголовно-правовой литературы по вопросу причинной связи см.: *Малнин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000; *Малнин В. Б., Парфенов Д. Ф.* Объективная сторона преступления. СПб., 2004; *Уголовное право России. Общая часть*, под ред. Н. М. Корчагина, В. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. Обзор зарубежной литературы см.: *Kohlmann C.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. München, 2006; *Blouy and Parry's, Principles of criminal law*. 4th ed. London, Sydney, 2000.

Второе. Изложение материала в специально посвященных уголовно-правовой причинности работах и аргументация выдвинутых точек зрения, охватывающая философские, научно-естественные и иные вопросы, во многом не основаны на компетенции специалистов в области уголовного права. По многим направлениям эти специалисты традиционно ориентируются на утраченную нормативность общественных наук и, в частности, философии. Даже в объеме, количественном выражении философские рассуждения преобладают над уголовно-правовой аргументацией, и в полном противоречии с принципом законности постоянно предпринимаются попытки обосновать преступность деяния аргументами, восходящими не к уголовному закону, а к вышедшим из научного оборота философским или, чаще, псевдофилософским суждениям.

При этом внимание отечественных исследователей нередко фиксируется на теориях, разработанных в XIX в., в ином контексте и на иной основе и к тому же воспроизводимых по чужим либо, в лучшем случае, давно переведенным работам. Это особенно относится к изложению проблематики каузальности в немецкой уголовно-правовой доктрине, если и не ушедшей вперед, то, во всяком случае, сильно изменившейся. Между тем, если в процесс аргументации вводятся суждения иной уголовно-правовой доктрины, они должны осваиваться либо критиковаться с учетом современной литературы.²

Третье. Степень разногласий при рассмотрении уголовно-правовой причинности излишне велика, а способности их преодоления нередко оказываются взаимные обвинения в недооценке или упущении чего-либо, непонимании проблемы и пр. Во многом это объясняется и неустойчивостью судебной практики, тем обстоятельством, что позиции, относящиеся к признанию или отрицанию причинности, провозглашаются, но не аргументируются. Возможно потому, что их нет в литературе, если не считать постоянного обращения к философии, в лучшем случае логике. Но в итоге теряются для адресата литературы и содержащиеся в ней вполне разумные соображения.

Это рискованное суждение, но оно лишь означает, что существует практическая необходимость формирования некоего господствующего мнения на основе аргументации, более или менее внутренне согласованной на базе исходных положений уголовного права.

Четвертое. Вероятно, недостаточна ориентация теории уголовно-правовой причинности на потребности практики. Между тем в литературе высказываются суждения, противоявляющие потребности практики фактам и логике.³

2. Изменения уголовно-значимого поведения. Кажется доказанным, что преступность меняется в своем поведенческом выражении и контексте. Это относится к преступлениям против общественной безопасности, преступлениям

² В фундаментальной работе К. Роккина разделу, который именуется «Изменение объективного состава деяния», предшествуют 6,5 страницы мелкого текста — библиография работ о каузальности. Уже в восемнадцатой строке первой страницы идут ссылки на посвященную литературу, охватывающаяся 2005 г. При таком положении обращение только к работам XIX в. — некорректно.

³ *Малнин В. Б., Парфенов Д. Ф.* Объективная сторона преступления. С. 107.

в сфере экономической деятельности, экологическим преступлениям, противоправным во времени и пространстве, связанным с весьма сложными структурно-обеспеченно опасными последствиями и пр. Общая тенденция состоит в установлении связей между деянием и его предполагаемыми последствиями, в объективном уменьшении возможностей контроля собственного и чужого поведения.

При массовом выпуске продукции ее общественно опасные последствия отягчены от производства во времени и пространстве. Усложняются социальные процессы, новыми становятся технологии производства, оказания услуг и управления, вынужденно меняется механизм принятия решений самого различного рода. Все эти изменения являются супранациональными, характерны не только для нашей страны.

Технологические и новые катастрофы повсеместно становятся слага для не привычными. В 2005 г. обрушение крыши сооружения, предназначенного для массового пользования, произошло в Москве. Этот факт вначале привычно связали с индивидуальными ошибками, типичными для России. Но зимой 2005–2006 гг. серия катастроф такого рода произошла в Баварии, Чехии, Польше, Австрии. Тогда выдвинули предположение, что, прежде всего, причинные элементы имеют высокую долю сложных, подтвержденных риску конструкций (*Die Welt*, 2006. 11 февр.). Но это предположение не позволяет ответить, кто виноват; пока нет ответа на, возможно, еще более сложный вопрос: как этого избежать?

3. Изменения в сфере уголовно-правового регулирования. Уголовное право вынуждено отвечать на многократно новые вопросы, связанные с процессами порождения общественно опасных последствий. Под влиянием происходящих процессов расширяется круг уголовно-правовых запретов. Усиливается использование составов посягательства в опасность. Ответственность все чаще переносится в «предполье» причиняющего вред деяния. Круг связей, подлежащих уголовно-правовой оценке, очевидно расширяется с введением таких конструкций, как преступление «сопряженное» (ч. 2 ст. 105), «повлекшее» (ч. 4 ст. 111), «сопряженное с извлечением дохода» (ст. 171–172 Уголовного кодекса РФ), и других, указывающих на соотношение деяния и последствий. Во многих случаях законодатель связывает формальные составы с достижением фактических результатов и, напротив, превращает материальные составы по существу в формальные, крайне размыто определяя общественно опасные последствия.

Следовательно, вопросы уголовно-правовой причинности необходимо решать в новых условиях, на основе меняющихся законодательных предписаний и развивающейся уголовно-правовой доктрины. Поскольку это так, целесообразно попробовать подойти к проблематике уголовно-правовой причинности либо с иных позиций, либо несколько иным, чем в господствующем мнении, образом расставив акценты.

4. Исходные положения анализа уголовно-правовой причинности так или иначе, в той или иной форме обсуждались в уголовно-правовой литературе,

подвергаясь критике либо получая определенную поддержку. Здесь подчеркивается не новизна тезисов, а их значение как аргументов для последующих рассуждений.

А) Признание специфики уголовно-правовой причинности. Она определяется, предметно и юридически, характером поведения и значением его оценки. Поэтому принимается, что уголовно-правовая причинность представляет собой специфический, сложный социально-правовой феномен, и уголовно-правовая наука, как подчеркивалось некоторыми авторами и ранее, должна разработать особое, свое учение об этом феномене, отличное от философского, естественнонаучного, психологического и других учений. Вывод о наличии либо отсутствия причинной связи должен обязательно основываться на уголовном законе и уголовно-правовой доктрине и обосновываться их аргументами. Философские взгляды на причинность не могут быть основанием признания собой ложный редукционизм, основанный на игнорировании сложности естественных и социальных явлений и преувеличении нормативной значимости философских суждений.

К тому же, что широко известно, отнюдь не все авторы философских работ вообще признают существование причинности в традиционном ее понимании.

В) Утверждение о необходимости разграничения предметного анализа и уголовно-правовой оценки причинности означает в дальнейшем, что предметная сторона причинности представляет собой реальный ход событий во внешнем мире и не устанавливается уголовно-правовыми средствами, но лишь оценивается с позиций уголовного закона. Это допущение, по-видимому, рассматривается как несомненное в различных формах использования специальных знаний. Оно должно быть принято во внимание в процессе уголовно-правового исследования и квалификации причинности, не абсолютизируясь. Возможно, что действия одинакового предметного содержания даже в сходном контексте будут получать внешне одинаковое предметное описание, но различную уголовно-правовую оценку.

Впрочем, следует признать, что, хотя рассматриваемые в уголовно-правовой литературе традиционные теории причинной связи анализируют преимущественно ее предметную сторону, их практическое применение и критический анализ тяготеют к получению именно уголовно-правовой оценки и обоснованию изменения причинной связи виновному лицу.

В) Признание субъектности, т. е. личностного происхождения, и субъектности причинных связей. Причинность для уголовного права, что также подчеркивается в литературе, значима, только если она рассматривается в структуре уголовной ответственности, причем только как субъектное деяние, как «энергетическое» воздействие субъекта на внешний мир. Причинность при этом, проявляясь в деянии субъекта, охватывается его виной и отделяется от нее, вероятно, только в алгоритме уголовно-правовой оценки деяния.

Наконец, причинность, что уже отмечено в литературе, являясь уголовно-правовым феноменом, существует как между деянием и последствием в так называемых материальных составах, так и внутри «беспоследственного» состава деяния.

По техническому причинам при рассмотрении этих тезисов не дается, возможно, необходимый анализ взглядов, изложенных в литературе, хотя при их формировании учтены взгляды многих российских и немецких авторов, в первую очередь современных, чьи суждения находятся в научном обороте.

5. Предмет исследования причинности в уголовном праве. Его понимание является условием и предпосылкой признания или отрицания специфики уголовно-правовой причинности и ее связи с процессом квалификации преступлений, т. е. с уголовно-правовой оценкой деяния. Оно требует обращения к некоторым высказанным ранее положениям. Но именно здесь обосновывается необходимость, как минимум, корректировки предмета теории уголовно-правовой причинности.

В советской и постсоветской, российской уголовно-правовой литературе сложился круг вопросов, образующих предмет теории причинной связи. Обычно в него включаются философские предпосылки и основания, критику теорий причинности, развитых в литературе XIX в., условия либо критерии признания связи причинной и, значит, установления причинности, относящиеся к объективным процессам. В монографических работах дополнительно рассматривается история вопроса, специфика причинности в связи с институтами Общей части и отдельными уголовно-правовыми запретами и некоторые иные вопросы. В целом можно считать полезным, хотя, возможно, и не во всех случаях необходимым, изложение этих вопросов в литературе.

Однако есть некоторые сомнения в том, что теория причинности в уголовном праве сложилась как собственно уголовно-правовая и практически применимая теория. Она перегружена философскими построениями, не основанными на уголовно-правовых знаниях, и не содержит в себе необходимых идентифицирующих и различающих информационных средств. Иными словами, сейчас кажется необходимым принципиальное усиление основанного на уголовном законе и уголовно-правовой доктрине проблемно-целевого подхода к уголовно-правовому учению о причинности. Уголовно-правовая теория причинности должна быть, как это ни кажется странным, очищена от посторонней аргументации и построена на различении факта и права, установлении предметности данного случая взаимодействия и его правовой оценки. Говоря несколько упрощенно, в предмете теории уголовно-правовой причинности должны быть усилены ее профессиональная, уголовно-правовая, законодательная составляющие и минимизировано использование философских аргументов.

Предлагается необходимым включать в предмет:

а) *уголовно-правовое определение причинной связи*, отграничивая его от критериев установления причинной связи, условий ее признания. Этот вопрос будет рассмотрен дальше. Здесь лишь подчеркнем, что высказанные довольно

давно В. Н. Кудрявцевым, Т. В. Церетели идеи, так или иначе направленные на юридическую и криминалистическую концепцию причинной связи в уголовном праве, должны открывать теорию уголовно-правовой причинности;

б) *исходный субъективно-объективный процесс развития уголовно-правовой причинности*. Причинность по природе вещей порождает субъектом, традиционно описывается признаками объективной стороны преступления, но принятое в современном уголовном праве разграничение объективной и субъективной стороны перешло, кажется, границы разумного. Уачный прием систематизации мышления приобрет статус славы ли не закономерности. В этом смысле правильно подчеркивается волимот, мотивированность и направленность причиняющего действия субъекта.⁴ Во всяком случае, необходимо выявлять механизм охвата виной процесса причинения, его пригодностью к достижению желаемого результата или иному причинению последствий.

В доктрине уголовного права, таким образом, должен исследоваться целостный феномен причинности, как минимум, на фоне субъективных процессов и, в частности, причинные связи между различными элементами преступления, во всяком случае между различными элементами объективной стороны. Они существуют и имеют уголовно-правовое значение и при совершении так называемых формальных преступлений: здесь проблема причинности возникает при оценке достаточности действия для признания деяния налицым и нарушающим уголовно-правовой запрет.

Простейший пример. Следует устанавливать, что часто и делается на основе здравого смысла, достаточность действий для признания их оскорбительным (т. е. причинную связь между ними и унижением чести и достоинства другого лица) либо для дискриминации лица (т. е. нарушения его прав, свобод и законных интересов). Это приобрело серьезное значение в сфере межнациональных отношений, когда декларируемая оскорбленность нередко имитируется либо вызывается действиями не обидчика, но третьих лиц. Причинные связи, таким образом, входят в предмет уголовно-правовой доктрины в рамках и только в рамках избранной законодателем конструкции состава преступления и, значит, зависят от особенностей деяния;

в) *классификацию причинных связей по различным основаниям*, например по характеру вызываемых причинением последствий. Здесь должны самостоятельным исследоваться связи: 1) между деянием (поступком) и объективно опасными последствиями в виде результата; 2) между поступком и опасностью, конкретной или абстрактной; 3) между иными элементами состава преступления.

Затем должны выделяться причинные связи в зависимости от специльных форм совершения преступлений. Эта мысль отнюдь не нова. Ряд авторов правильно говорили о такой необходимости. Так, в обширной работе, посвященной причинной связи в уголовном праве, В. Б. Малинин рассматривает

⁴ См. позицию Н. Ф. Кузнецовой в кн.: *Курс уголовного права* / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. 1999. С. 237.

проблему причинности при бездействии и причинные связи при соучастии.⁵ Наконец, следует особо выделять атипичные причинные связи, конкретизируя их по совместному причинению двумя или более субъектами, прерыванию процесса, его дополнению и пр.

Г) *характеристики демонстрационных уголовно-правовых признаков причинной связи*, т. е. те внешние формы их проявления, которые законодатель либо судебная практика и уголовно-правовая доктрина считают обязательными. Эти признаки описываются иногда в статьях Особенной части при помощи понятия «причинение», указанием на действие, совершаемое в себе результат, или на результат причинения указанным в законе действием (например, «зарражене», «похищение»), и другими способами. В иных случаях необходимо восполнение отсутствующих демонстрационных признаков, которое делается и сейчас, но преимущественно в казуистической технике.

Д) *сировождающие признаки данного состава преступления*, релевантные к предметной и уголовно-правовой сторонам причинной связи, которые могут подтверждать либо, наоборот, исключать возможность оценки хода событий как уголовно-правовой причинности.

Из сказанного можно сделать некоторые промежуточные выводы методического характера.

Адресат уголовного закона должен знать, что такое причинная связь как составяющая предумотрешенной в уголовном законе уголовной ответственности, как предметный ход событий от импульса до результата и как его уголовно-правовая оценка. Практическое исследование причинной связи на основе действующих уголовно-правовых норм должно начинаться с определения круга потенциально причиняющих действий и ответственности за них, продолжаться в отношении процесса развития порождающих действий, и в особенности господства субъекта над их развитием, и оканчиваться механизмом преобразования действий в результат, с учетом анализа субъективных процессов.

Причинность в уголовном праве должна вначале изучаться и оцениваться предметно, что требует использования знаний, не являющихся уголовно-правовыми, и осознаваться как созданное определенным субъектом предпологаемое или реально существующее отношение порождения между поведенческим актом и выделенным изменением во внешнем мире. Предполагается, что поступок субъекта преобразовался в наступившие изменения, что была осуществлена, по выражению У. Киндхойзера, манипулятивная техника, в результате чего волевой и контролируемый поступок воплотился в последствии. Именно на этом этапе применяются традиционные теории причинности, особенно часто эквивалентная теория.

Предметное изучение преступности, однако, является лишь основой собственно уголовно-правовой оценки произошедшего взаимодействия, порожденного субъектом. При отсутствии воли и осознания само рассмогрение причинности

РОССИЙСКИЙ ЕЖЕГОДНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА

Для уголовно-правовой оценки терять всякий смысл, разве что оценивается поведение неменяемого.

Итак, целостный процесс причинности в теории причинной связи должен рассматриваться и с фактической, и с юридической стороны. При этом контекст предмета исследования, его форму образует именно объективная сторона преступления, включающая в себя субъективные элементы, и именно таким образом причинная связь входит в структуру основания уголовной ответственности.

При формировании предмета теории уголовно-правовой причинности необходимо учитывать, следовательно, несколько обстоятельств, на которые указывается в уголовно-правовой литературе, хотя трудно сказать, насколько эффективно.

Первое. Наличие причинной связи в объективной стороне преступления не исчерпывает основание уголовной ответственности, являясь лишь одним, хотя и весьма важным (как, впрочем, и все остальные), признаком состава преступления. *Второе.* Действия или бездействие, порождающие причинную связь, являются волевыми и осознанными. Но механизм их причиняющего воздействия рассматривается с учетом субъективных элементов, хотя и независимо от оценки форм вины: умысла или неосторожности. Он принципиально существует и для неменяемого лица, хотя, что очень важно, сам по себе не обосновывает возможность вменения причинности данному субъекту. *Третье.* Уголовно-правовые причинные связи, разумеется, являются лишь частью причинности, действующей во внешнем мире по существующим представлениям. Но их содержание, механизм их разрывания связываются не только с наличием специфического актора — субъекта преступления, но и с наличием упрека в его адрес, порожденного судом на назначение наказания. Именно поэтому констатация уголовно-правовой причинности и представляет собой самостоятельную задачу с юридическими, часто тяжелыми последствиями. К ее решению именно поэтому предъявляются особые требования.

II. Правовые основания уголовно-правовой причинности

Они охватывают собой предписание уголовного закона, т. е. нормативно-правовую регламентацию уголовно-правовой причинности, и позиции судебной практики. Особое место занимают и отдельно рассматриваются доктринальные суждения, или теории причинности.

1. *Нормативно-правовая регламентация причинной связи.* Обращение к этому вопросу принципиально важно. Причинная связь, повторим, в структуре уголовного ответственности — это уголовно-правовая конструкция, и она должна устанавливаться на основе уголовного закона, как и любой иной признак состава преступления.

Законодатель исходит из того, что причинная связь, как бы она ни понималась в теории уголовного права, является характеристикой деяния, преимущественно отягченной и применительно к материальным, и применительно

⁵ Митшин В. Е. Причинная связь в уголовном праве. С. 230.

к формальным конструкциям состава преступления как признак его объективной стороны. Основание для такого утверждения — понятие преступления, данное в ст. 14 УК. Здесь установлено, что преступлением признается деяние, имеющее соответствующие признаки. Со всей очевидностью причинная связь — именно по закону — выступает признаком деяния, отражающим его развитие, его свойство проявляться как те или иные изменения внешнего мира, т. е. процессом и результатом.

Это не вызывает никаких сомнений в уголовно-правовой доктрине и подтверждается, например, предписаниями главы 6 «Неоконченное преступление», и в особенности ст. 29 «Оконченное и неоконченное преступление», по ч. 1 которой «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Следовательно, по меньшей мере, для материальных преступлений необходимо наступление последствий, причисляемых деянием, а значит, причинной связи как признака состава преступления.

Из этого вытекают юридические требования к причинной связи как признаку объективной стороны состава преступления и элементу преступления. Она должна быть, как элемент деяния, связью субъективной, наличной, т. е. поведенчески выраженной и пригодной к достижению результата, последствий, охватываться виной в той или иной форме, а как признак — описываться на языке уголовного закона и в соответствии с его предписаниями.

Предписания, регламентирующие причинные связи, содержится в Общей и Особенной частях УК и требуют идентификации и анализа, включая толкование. Охватывают они прямо или латентно порождающие действия, процессы и результаты.

Классическим является легальное определение причинной связи как причинения. Часть 1 ст. 105 определяет убийство как причинение смерти другому человеку (умышленное), а ст. 109 устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности. И здесь в центре стоит именно признак причинения. Это же относится и к причинению вреда здоровью умышленного или неосторожного, а равно к определению побоев и истязания в ст. 116–117 УК. В каждом из названных и иных случаев законодатель подчеркивает необходимость преобразования процесса в результат.

По существу, признак причинной связи, как отмечалось выше, обозначается и иными понятиями, характерными для формальных составов. Например, заражение венерической болезнью, ВИЧ-инфекцией явно предполагают наступление определенных последствий: возникновение заболевания. Соответственно, в случае, скажем, контактов с несколькими лицами, должна быть установлена индивидуальная, субъектная причинная связь. Круг понятий, охватывающих действие или бездействие в связи с результатом, вообще широк. Он порождает необходимость толкования такого рода понятий с целью выявления сходства и различий между ними. Например, следует установить, отменяется ли понятие «повлекло» в обороте «если оно [деяние] повлекло смерть больного либо

причинение тяжкого вреда его здоровью» (ч. 2 ст. 124 «Неоказание помощи больному») от понятия «причинение»?

Но, так или иначе, это содержалось в уголовном законе понятия, которые имеют такую же юридическую силу, как и иные термины, характеризующие преступление, — и тем самым это понятие, определяющее правовую природу признака, обозначаемого в доктрине уголовного права как причинная связь, а значит, нуждающаяся в уголовно-правовом толковании.

В связи с этим может быть поставлен вопрос о внесении в Общую часть уголовного законодательства понятия причинной связи. Это нуждается в тщательном обдумывании. В качестве примера (но, возможно, не аргумента) сошлемся на то, что § 210(1) американского Примерного уголовного кодекса содержит определение причинности: «Деяние есть причина результата, если (а) оно является таким условием результата, без которого он наступит, не может; и (б) связь между деянием и результатом соответствует всем дополнительным требованиям к причинности, которые установлены уголовным Кодексом и составом деяния, содержащимся в законе».⁶

2. Позиции судебной практики. Следует сказать, что они привлекают необходимое внимание исследователей. Здесь можно сослаться на вышеуказанные работы Маллинина и Парфенова, в которых судебные решения рассматриваются достаточно полно.

В данном случае нет возможности и необходимости давать содержательную характеристику позиций судов по вопросам уголовно-правовой причинности. Однако есть смысл заметить, что эти позиции весьма различны и основаны, скорее, на анализе определенного случая и оценке причинности на основе многочисленных факторов, зачастую к ней не относящихся. Собственно, в этом нет ничего неожиданного, и, скажем, немецкие авторы также указывают на склонность судов к «казуистическому», не системному подходу в этой области.⁷

3. Доктринальные основания уголовно-правовой причинности. Здесь делается попытка: а) конкретизировать суждения о необходимости разграничения предметного и оценочного подходов к причинности; б) формулировать некоторые теоретические соображения об их взаимодействии в процессе установления уголовно-правовой причинности.

А. Соотношение предметной (фактической) и оценочной (правовой) составляющих уголовно-правовой причинности. Здесь конкретизируется, казало бы, очевидное обстоятельство. Причинность в структуре уголовной ответственности — это одновременно факты (т. е. изменения, происходящие во внешнем мире), и их оценка законодателем и правоприменителем (т. е. рассмотренные выше предписания), и решения, принятые в соответствии с ними и на основе фактов. Исходя из развиваемых здесь соображений, этот вывод имеет едва ли не решающее значение и должно преобразовываться в содержание уголовно-правовых оценок и решений, в правоприменительную практику.

⁶ Markus D. Dubber, Einführung in das us-amerikanische Strafrecht, München, 2005, S. 107.

⁷ Roxin C. Strafrecht Allgemeiner Teil, S. 350.

Процессы причинности весьма разнообразны. Законодатель устанавливает ответственность за то, что он считает наличным, т. е. за совершенное (оконченное или неоконченное) деяние, являющееся противоправным и общественно опасным, к тому же виновным. Рассмотренные выше понятия «причинение», «повлекшие», «сопряженное» и другие, охватывая собственно деяние и результат, предполагают и физическое совершение субъектом действий (бездействие), и физическое изменение во внешнем мире. В то же время, что порой упускается из вида, поскольку существует ограничение состава преступления необходимыми и достаточными признаками, а причинная связь — признак обязательный, предметный анализ причинных связей является только первым этапом ее уголовно-правовой оценки и имеет смысл при необходимости такой оценки, поднимаясь правовым требованиям к процессу квалификации преступления.

Постому, как и в любом случае применения уголовного закона для получения правовой оценки содержания, необходимо до начала уголовно-правовой оценки установить фактический состав деяния и, в частности, была ли налицо и какой именно предметная, производящая изменения во внешнем мире причинность. На этом этапе задача не является уголовно-правовой, как не является вопросом уголовного права вывод о способе отжимания двери при краже имущества со склада. Это то, что подлежит оценке уголовным законом, но устанавливается с других позиций, хотя и в его целях. Лишь затем, повторим, отливается возможность и возникает необходимость оценить с позиций уголовного закона, является ли причинность необходимой и достаточной для наступления уголовной ответственности. С некоторой осторожностью можно поэтому утверждать, что традиционные доктринальные теории причинности, излагаемые в уголовно-правовой литературе, либо вообще не являются уголовно-правовыми, либо в уголовно-правовой составляющей их содержания анализируются, в сущности, не связи явлений, а ответственность субъекта за их порождение и господство над ними, равно как и возможность психическое отношение к ним причинителя. Так, попытки разграничения необходимой и случайной причинной связи имеют смысл только для оценки содержания вины в форме умысла.

Представляется поэтому, как отмечено выше, обязательным выделить и анализировать причинность в структуре уголовной ответственности на двух уровнях: предметном и оценочном. Это как будто бы подтверждается и судебной практикой, решения которой, как уже говорилось, не всегда достаточно развращены, аргументированы.

В связи с этим выдвигается двойное, предметное и оценочное, понятие уголовно-правовой причинной связи.

В. Взаимодействие предметного и оценочного подходов. Предметное понятие причинной связи описывает ее как реальное поведение особото рода, а не как некое метафизическое явление. Она — порожденное субъектом фактическое взаимодействие, при котором деяние (действие или бездействие), вызывая изменения во внешнем мире, преобразуется или может — при неоконченном

посягательстве — преобразоваться в общественно опасные последствия, представляющие уголовным законом, определяя собой их предметно выраженный состав. Собственно, гносеологические трудности здесь состоят в таком выделении объекта последующей уголовно-правовой оценки, которое соответствует требованиям уголовного закона. Это означает многое.

Во всяком случае, необходимо с позиций оценки возможного развития деяния ограничить его во времени и пространстве, определив этапы развития. Эта задача усложняется при наличии ряда факторов, каждый из которых мог привести к наступившему результату.

Здесь можно различать связи необходимые и случайные, возможность и действительность как необходимые для последующей уголовно-правовой оценки.

В. Оценочное, уголовно-правовое понятие причинной связи. в свою очередь, обозначает в самом общем виде причинную связь как признак состава преступления, как упречное с точки зрения уголовного закона поведенческое воздействие на внешний мир. Его является такое фактическое взаимодействие с внешним миром, которое порождено осознанным и волевым, противоправным деянием субъекта, происходит под его господством, направленно преобразуется в общественно опасные последствия либо осуществляется как пригодное для этого. На этом этапе ограничивается понимание причинной связи, поскольку она оценивается с дополнительных позиций.

Следовательно, предметная причинность — это процесс перехода действия (бездействия) в общественно опасные последствия, установление которого требует либо специальных знаний, либо уголовно-процессуальной оценки факта. Уголовно-правовая причинность отражает такое фактическое господство субъекта над процессом развития причинности, которое является упречным в силу уголовно-правового понимания преступления. Соввершенно ясно, что собственно признак господства над причинностью программирует ее уголовно-правовую оценку лишь в случае его противоправности. Нужно, кроме того, структурировать характер господства как продолженного во времени, длительно порожденного только деянием, или как дополняемого иными действиями.

Проблема состоит в правовом обосновании наличия связи между двумя сторонами явления, подлежащими различной фактической и уголовно-правовой оценке. Пример такого подхода содержится в уголовно-процессуальном законодательстве и вряд ли вызывает какие-либо возражения у специалистов в области уголовного процесса и практиков. Законодатель обязывает устанавливать причин смерти обязательным произволом судебно-медицинской экспертизы. Суд, однако, оценивает экспертизу с уголовно-процессуальных позиций и может не признавать вывод эксперта о том, что причиной смерти стало то или иное обстоятельство. Очевидно при этом, что к обоснованию существования или отсутствия причинной связи предъявляются в уголовном праве специфические требования. Окончательный вывод суда относится именно к правовой, оценочной стороне причинности, но по общему правилу — не к фактической, хотя может относиться и к оценке фактов, что, впрочем, не меняет дела.

4. Проксимальные выводы. Они в данном случае таковы.

В рамках состава преступления существуют, как показано выше, установившиеся, хотя и требующие совершенствования правила описания поведенческого акта и его последствий. Совершенно необходимым оказывается при оценке объективной стороны, установив некоторые факты и связи между ними, также описать, индентифицировать, продемонстрировать на языке уголовного права внешние проявления этих связей. Для этого и деяние, и последствия описываются и затем оцениваются именно как доступные в принципе для непосредственного восприятия и сопоставления факты.

Но установление предметной стороны причинных связей все же требует получения выводов и в этом смысле также является результатом оценки. Так или иначе, если они не вписываются в структуру объективной стороны, которая не существует независимо от субъекта и программируется субъективной стороной деяния, а последствия как изменения во внешнем мире существуют реально, значит, эти последствия полностью или частично связаны взаимодействием с иным поведенческим актом, т. е., возможно, с другим субъектом. В этом юридический смысл и необходимость установления предметного содержания взаимодействия. И как раз предметная сторона взаимодействия должна получить правовую оценку по требованиям уголовного закона.

Это одна из самых спорных в теории и сложных на практике проблем. Ее решение зависит от конструкции состава преступления. Разумеется, практически она сложна не в каждом случае результативного преступления. Различные трудности возникают, в частности, когда предметно различаются однородные, тождественные, или, как их еще называют, зингулярные связи, и связи сложные, образованные несколькими рядами связанных между собой деяний. Выстрел и смерть человека обычно находят между собой в очевидной причинной связи. Несколько ножевых ранений в драке, нанесенных разными лицами, также заблуждения при использовании продовольствия, выпущенного с нарушением правил, черنобильская трагедия вызывают причинные связи, которые очень трудно устанавливать и оцениваются с позиций состава преступления.

Впрочем, здесь есть еще одна проблема, замечаемая нечасто. Дело в том, что практические ошибки при определении наличия или отсутствия причинной связи устанавливаются трудно и процессуально фиксируются редко. Ошибочные судебные решения крайне редко содержат ссылку на критерии оценки причинной связи как составившей основания уголовной ответственности. В основном, по-видимому, приходится страдать вследствие этих ошибок субъекту деяния, оцениваемого по уголовному закону.

Основная трудность, таким образом, состоит в обнаружении и последующей правовой оценке фактически воспринимаемых признаков наличия или отсутствия причинной связи между выделенным субъектно, во времени, пространстве и по содержанию поведенческим актом и последствиями, наступившими после его совершения. Это должно гарантировать, что лицо несет ответственность только за те последствия, которые действительно вызваны им, а не наступили случайно, иногда из-за простого невезения.

III. Уголовно-правовая оценка причинной связи

Переход к ней предполагает предварительное установление предметного хода событий, образующих причинность. Здесь рассматриваются такие признаки вызванного субъектом хода событий, которые, при наличии иных составляющих, включаются в основание уголовной ответственности данного субъекта. Иными словами, устанавливается не причинная связь, поскольку вывод о ее предметном существовании сделан, а основания ответственности субъекта за ее порождение и реализацию.

1. *Значение и признаки уголовно-правовой причинности.* Уголовно-правовая оценка причинности определяет собой решение ряда вопросов. Среди них: наличие либо отсутствие основания уголовной ответственности (ст. 8), квалификация покушения и добровольного отказа от преступления по ст. 30–31 УК, включая признание покушения с неточными средствами, форм и видов соучастия и пр.

Предполагается, что уголовно-правовая причинность признается при наличии двух признаков. Первый — создание действиями (бездействием) субъекта основного или дополнительного риска (возможности) наступления общественно опасных последствий. Второй — наличие господства субъекта над деянием.

Эти признаки ключевые для признания или отрицания причинности, влечущей уголовную ответственность, и их анализ является содержанием уголовно-правовой оценки причинности, чему будет посвящено последующее изложение. Но вначале рассмотрим предварительные условия установления этих признаков. Таких условий два: необходимость восхождения к уголовному закону; информационное обеспечение определенности и предсказуемости оценок причинных связей. Конкретизируем эти обстоятельства.

Первое. Любая уголовно-правовая конструкция должна, так или иначе, основываться на уголовном законе, восходить к нему, пусть через опосредованные звенья. Это приходится делать в рамках и на основе уголовно-правовой доктрины. И здесь, как будет показано дальше, возникает напряжение между стрелением построить общую теорию, содержащую определенную систему правил, или решать вопрос о причинной связи, исходя из норм уголовного права, но все же казуистически, индивидуально.

Последнее стремление выражено в песимистических словах немецкого профессора Бинлинта о том, что при решении проблем причинной связи лучше забыть все теории причинности.

Это, возможно, слишком сильно сказано. Но в любом случае решение о существовании уголовно-правовой причинной связи, отнюдь не исчерпывая все стороны основания уголовной ответственности, должно все же опираться на уголовный закон. Разумеется, исходя из практических соображений, действия только приходится искать баланс между системным и прецедентным, абстрактным и казуистическим подходами к решению проблемы уголовно-правовой причинности, выявляя дополнительные возможности обоснования решения

о наличии или отсутствия причинности в определенном случае. Хуже, когда из одной и той же теории либо системы посылок делаются совершенно разные выводы, т. е. игнорируется собственно аргументация.

Второе. Особенно строгому описанию и доказательственной оценке подлежат различные и непосредственно воспринимаемые наблюдателем обстоятельства, которые именуются фактическими. Об этом говорилось выше. С позиций здравого смысла и требований уголовно-процессуального закона может и должно быть четко установлено: субъект С. подписал план строительных работ, толкнул в плавне гражданку Д., не обеспечил нормальным питанием экипаж шхуны, в дальнейшем потерпевшей кораблекрушение. Это особенно важно при установлении последствий деяния, следствия причин, поскольку при их крайней размытости определение в законе это представляет значительные сложности.

Причинная же связь, как действие поступка, распространяющаяся на некое будущее внешнего мира, в любом ее понимании непосредственному познанию не поддается. Ее предметная конкретация, установление носитыводной характер. Тем не менее она все же должна быть продемонстрирована, идентифицирована через демонстративные признаки уже потому, что статьи уголовного закона должны иметь хотя бы общее представление об угрозе уголовной ответственности.

Суждения о причинности хотя и являются всегда выводными, оценочными, но должны иметь фактическое содержание. Обрушение крыши, выплывенной из определенного материала, определенным образом, последовало в процессе ее эксплуатации, протекавшей в течение конкретного времени, под влиянием конкретных факторов и пр. Для уголовного права совершенно безразлично, действовали здесь неизвестные объективные, случайные или иные процессы. Основанием ответственности является деяние причинителя в его взаимосвязи с наступившими — или не наступившими при покушении — последствиями.

Именно это положение заставляет при анализе проблемы причинной связи подвергать критике распространённые попытки аргументировать решения о наличии таковой и, значит, обвинительные приговоры философскими аргументами либо данными наук, изучающих закономерности внешнего мира. Можно сказать, что это положение представляет собой гносеологические корни преувеличения роли абстракций в понимании уголовно-правовой причинности.

Дело в том, что, попытка прямого использования философских суждений, чрезвычайно разнообразных по характеру этой формы общественного сознания, порождает большие, значимые для уголовного права трудности. Они связаны с тем, что понятие и природа причинности в философии остается предметом дискуссий, ведущихся с разной степенью интенсивности. Философские суждения потеряли ныне названное им нормативное значение. Само понятие причины после открытий современной физики либо не употребляется в работах по теории познания, либо просто критикуется и (что, в общем, не столько важно) чаще заменяется понятием каузальности, насколько можно судить —

более специальным, чем принятое в российской литературе понятие причинности. При этом, если пытаются опереться на характеристику процессов в субатомном мире, как отмечается в литературе, отсылаясь к привычным идеям детерминизма, уголовно-правое пришло бы просто исключить из социального оборота видку невозможности субъектной ответственности. Собственно, и более традиционные разногласия по проблемам причинности между Кантом, Юмом, Миллем, Марксом и другими философами вряд ли могут непосредственно влиять на уголовно-правовой анализ. Это познание, осуществляемое на различных уровнях, и были бы ошибочными как редуцирование, так и генерализация философских и уголовно-правовых суждений в попытке их объединения. Поэтому користам полезно проанализировать историю философского анализа каузальности и попыток переноса мнений философов в уголовно-правовые учения о причинности с учетом современной литературы, а не только работ, опубликованных в XIX веке. Но это требует серьезного труда и развитель рефлексии. Сейчас таких работ нет или они неизвестны.

Так или иначе, юристы стоят перед необходимостью, не вмешиваясь в эти споры, развивать профессиональное, основанное на здравом смысле и потребности правопорядка фактическое, доказательственное и оценочное, уголовно-правовое понимание связи событий. Можно предположить, что судейская практика, как в России, так и других странах с развитой правовой системой, испытывая потребность в практической разработке проблем уголовно-правовой причинности, все же стоит именно на таких позициях. Суды весьма осторожно относятся к убедительности философских или даже просто общих концепций и, скорее, подходят к решению проблем причинной связи или каузальности с позиций преемственного размышления. Естественные науки также отнюдь не являются надежными во всех случаях, и практика показывает, что многие выводы экспертов, прямо направленные на анализ наличия предметной связи, вызывают у суда серьезные сомнения. Одним из способов повышения определенности оценки уголовно-правовой причинности является ее рассмотрение в рамках состава преступления.

2. Деяние, состав преступления и причинность.

Деяние. По господствующему мнению, уголовно-правовая причинность порождается противоправными или грубо аморальными, как пишет Н. Ф. Кузнецова, деяниями.⁸ Исходя из этого, уголовно-правовая причинность изначально устанавливается в структуре деяния, но на этом этапе понимания как деяние в смысле ч. 1 ст. 14 УК. Здесь есть несколько обстоятельств, которые в данном случае можно лишь упомянуть. Прежде всего, должно быть установлено, что налицо единичное деяние в уголовно-правовом смысле, обладающее внутренними связями и проявляющееся в различных конструкциях (продолжаемое, длящееся преступление и пр.). Это позволяет сделать шаг к выделению единичной причинности как объекта оценки.

⁸ Курс уголовного права. С. 243.

Далее, в рамках деяния оценивается осознанность и волимость причинности. Здесь есть проблема отграничения осознанности и волимости деяния от содержания форм вины. Она существует, вероятно, во всех или большинстве национальных уголовно-правовых доктрин. Г. А. Есаков, рассматривая проблематику ответственности в английском уголовном праве, связывает ее с деянием, как составляющим *actus reus*.⁹ В немецкой литературе вообще придается особое значение признаку направленности деяния, понятие которого в различных теориях характеризуется как каузальное, финалистское, социальное, причем подчеркивается как раз механизм порождения изменений во внешнем мире. Собственно предметная причинность при этом надлежит признаком связи с порождающим ее субъектом и может характеризовать еще до обращения к вине по степени осознанности, интензивности волимости и пр. Над этим нужно еще поразмышлять, но возможность получения существенной информации кажется весьма вероятной.

Состав преступления. Процесс причинности, ее проявление во внешнем мире и преобразование в последствия далее необходимо описывать признаками состава преступления. В этом случае выявляется предметная и юридическая зависимость причинной связи от деяния в целом и, следовательно, от причинной в каждом случае модели деяния, его описания в признаках состава преступления. Такая постановка вопроса, вероятно, не противоречит традициям российской уголовной права. Возможно, она несколько меняет угол анализа, что кажется крайне важным. Например, устанавливается не природа причинной связи, а правовой характер действий (бездействия) по ее порождению, что свойственно уголовному праву. Эта проблематика нуждается в специальном исследовании, и здесь будет сделано лишь несколько замечаний.

По меньшей мере, нужно всегда иметь в виду, что причинность как элемент основания уголовной ответственности принципиально конкретна, проявляясь и оцениваясь внутри фактического и юридического состава уголовно наказуемого деяния. Прежде всего, как уже отмечалось, она есть результат волевого и осознанного поведения. Содержание воли и осознания обычно раскрывается в характеристике умысла и неосторожности. Поэтому с позиций анализа состава преступления как основания уголовной ответственности следует искать «зоны пересечения» объективной и субъективной сторон.

Кроме того, как уже говорилось, причинные связи должны устанавливаться не только между поведенческим актом как целым и последствием, но и в иных случаях, в частности внутри состава поведенческого акта. Вот типичный пример, один среди многих. При мошенничестве обман должен находиться в причинной связи с решением о передаче имущества обманутым лицом, т. е. оно должно быть введено в заблуждение, а состояние заблуждения должно находиться в причинной связи с передачей имущества. Если этого нет, то либо вообще

нет уголовно наказуемого деяния, либо нет мошенничества, а, возможно, есть хищение в соучастии.¹⁰ Это значит, что, если у вас простят взаимки, гарантируя возвращение долга получением гонорара, а вы знаете, что гонорара не предвидится, долг вам не вернут, но все же из сочувствия деньги дадут, — нет причинной связи между действиями по введению в заблуждение и имущественным распоряжением. Нет и мошенничества.

Далее, уголовно-правовая причинность даже в рамках уголовно-правовой оценки, как реальная часть деяния, представляя собой нечто существующее, независимо от того, является ли она физической или психической, или какой-либо еще, сама по себе, как известно, не обосновывает уголовную ответственность, о чем еще будет сказано. В рамках состава преступления поэтому сохраняется ограничительная характеристика уголовно-правовой причинности. При отсутствии определенных признаков состава преступления уголовно-правовая причинность возможна, но недостаточна для привлечения лица к уголовной ответственности.

Наконец, причинная связь сама по себе имеет материальное содержание, но не вполне ясно, отражает ли она степень общественной опасности деяния. Традиционно ее значение определяется ролью обязательного признака объективной стороны преступления. Она либо есть, либо ее нет. Если лицо стремится слезать потенциальную причинную связь наиболее надежной и для этого прибегает, например, к особой жестокости или дополнительным изощренным способам обмана, то оценка такого рода действий выводится за пределы причинной связи. Они оцениваются как способ преступления в рамках поведенческой характеристики объективной стороны преступления либо по субъективной стороне.

Уголовно-правовая оценка причинности, таким образом, является окончательной. Она основывается на фактах, ее объектом являются факты, но содержанием — суждения, выводимые из уголовно-правовых норм и обосновывающие уголовную ответственность.

Уголовно-правовая литература изобилует примерами, подтверждающими этот тезис. Изготовление ножа, которым совершено убийство, является фактом. Этот факт входит в сложившуюся и оцениваемую по закону цепь событий. Но вопрос о том, входит ли он в уголовно-правовую причинную связь как часть основания уголовной ответственности — в данном случае лица, изготовившего нож, — этим не решается. В основание уголовной ответственности может быть положена только уголовно-правовая оценка, отражающая предметную сторону данной причинной связи.

Для дальнейшего анализа уголовно-правовой причинности обратимся к теориям причинной связи. Смысл такого обращения состоит в поиске надежных, дополнительных или основных, средств и аргументов оценки причинности.

⁹ Есаков Г. А. Проблематика ответственности в английском уголовном праве: волимое и невозможное деяние // Проблемы юридической ответственности. М., 2006. С. 71.

¹⁰ См. об этом: Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Э. Жалилского. М., 2005. С. 470 и сл.

IV. Современное содержание уголовно-правовых теорий причинной связи

В данном контексте их целесообразно рассмотреть преимущественно на примере работ немецких авторов, поскольку отечественная литература, понятным образом, известна читателю лучше. Это стоит сделать, чтобы, с одной стороны, указать на возможности современной (подчеркнем — именно современной) науки уголовного права в части установления причинности, а с другой — обратить внимание на тупотение этих теорий к движению от фактического, предметного к оценочному, уголовно-правовому. Никакого, разумеется, нормативного значения эти теории не имеют и никто ни к чему обязать не могут. Однако они, несомненно, являются отправными для поиска новых подходов к уголовно-правовой причинности.

В российской и иностранной, преимущественно немецкой, литературе выделяется ряд теорий причинности. Среди них необходимо назвать такие, как эквивалентная, или теория условий, а также адекватная, или релевантная теория. Наиболее подробно анализируется и как будто бы часто применяется эквивалентная теория. Однако поскольку, по господствующему мнению, ни одна из теорий не может охватить всех вариантов связи («поведенческий акт — последствия», то литература и практика реагируют на это двояко. *Нервое*: разрабатываются дополнительные, можно сказать условно, частные теории, применимые к особым ситуациям совершения деяния. *Второе*: становится господствующим в немецкой литературе развиваемый особенно настойчиво К. Роксингом подход, который именуется объективным вменением.

1. Эквивалентная теория причинной связи в наибольшей степени основывается на обобщенных представлениях о причинности и является, несмотря на все возражения против нее, наиболее приемлемой для судебной практики. В немецкой литературе подчеркивается, что уголовно-правовая практика «при решении вопроса, является ли деяние причинной результатива, исходит из теории условий, по которой деяние есть причина результата, если деяние не может быть мысленно исключено без того, чтобы отпал и результат». ¹¹ Создается впечатление, что это объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, эквивалентная теория дает суду наибольший простор для оценки. Она охватывает практически все сколько-нибудь серьезно мыслимые факторы, стоящие в связи с деянием, подлежащим оценке, и позволяет осуществлять их «перебор». В сущности, это топос, т. е. прообраз, к которой притягиваются все возможные доводы и возможные решения.

К. Роксин так иллюстрирует эквивалентную теорию. Вообразим, что пьяный водитель не справился с управлением и врезался в другой автомобиль. Тогда, по данной теории, условиями наступления результата являются: употребление алкоголя, жертва столкновения (ибо если пострадавший водитель по

этой стороне не ехал бы, то и аварии бы не было), изготовители автомобиля и лежащая куча различных обстоятельств, имеющих влияние на ход события (строительство улицы, изобретение мотора и пр.); ¹² До дальнейшего расуждения, однако, стоит обратить внимание, что выделенные К. Роксингом и обычно выделяемые любым студентом обстоятельства на самом деле суду нужны. Причина столкновения здесь никак не ясна. Вполне возможно, что пострадавший водитель ехал не там, где положено, что мотор автомобиля каким-то образом отказал, был неудачен конструктивно, а состояние улицы как причина столкновения просто плохо знакомым немецким профессорам, мало путешествующим. Но суд это все должен «переварить» и оценить.

Так или иначе, ученый подчеркивает, что эквивалентная теория определяет причину в ее прельюридическом, научно-естественном и философском понимании. Это связано с тем, что эквивалентная теория ообщила целый ряд частных, предшествовавших ей причинных объяснений отдельных случаев. При этом теория объясняет (со ссылкой на Радбруха) причину не как единство всех условий, т. е. полную причину, но рассматривает каждое отдельное условие как причину, что как раз и требуется для обоснования уголовной ответственности.

Эквивалентная теория вызывает, таким образом, ряд серьезных возражений. Однако, возможно, наибольшая трудность связана не столько с исключением изливших условий, сколько с установлением предметной связи в обстановке, когда специалисты в той или иной области знания спорят между собой и к единому выводу о предметности связи и ее механизме прийти не могут. К. Роксин правильно отмечает, что «научные мнения большинства о полноте, безразности или вредности медикаментов, тех или иных видов продовольствия или иного вещества меняются часто, уголовно-правовые мнения основывая на них нельзя». ¹³ Собственно, здесь возникает уголовно-процессуальная проблема оценки значения экспертизы. В уголовно-правовом смысле важно подчеркнуть два обстоятельства. Эквивалентная теория обращена к предметности причинной связи. Она должна опираться на достоверно установленные фактические данные о механизме этой связи. Таким образом, эквивалентная теория остается в уголовно-правовом обиходе, но не рассматривается как допустимая.

2. Теория адекватной причинности. В немецкой уголовно-правовой литературе ее основателем считают фрайбургского врача и логика Йоганнеса ф. Курса. В самом обшем (и формулированном судьей, скорее всего — для судей) понимании адекватной теории, «деяние причиняет только такие результаты, с наступлением которых можно считаться по наиболее распространенному жизненному опыту с точки зрения... выносящего приговор судьи». ¹⁴ Несколько иначе это звучит у К. Роксина: «По этому учению, в уголовно-правовом смысле

¹¹ Trondle / Fischer: Strafgesetzbuch und Nebengesetze. München, 2006. S. 71.

¹² Roxin C. Strafrecht Allgemeiner Teil. S. 351.

¹³ Ibid. S. 356.

¹⁴ Trondle / Fischer: Strafgesetzbuch und Nebengesetze. S. 72.

причиняющим является только такое поведение, которому присуща общая тенденция к возникновению результата, в то время как условия, которые лишь случайно его вызывают, иррелевантны в уголовно-правовом смысле.¹⁵ Интересно отметить, что, по мнению немецких специалистов, эта теория с соответствующими поправками и дополнениями переживает определенный ренессанс. Объясняется это в немецкой литературе тем, что в ней впервые заложены идеи так называемого объективного вменения, в основе которого лежит идея разграничения предметной и уголовно-правовой оценок.

Хорошо известно, что эта теория подвергается еще большей критике, чем эквивалентная. Однако в ней заложено несомненно позитивное начало. Она содержит в себе возражения против простого повышения ответственности за более тяжкие последствия преступления, вызываемые случайно. Трудно сказать, многие ли специалисты будут считать это начало позитивным. Но, так или иначе, рассмотрим часто применяемый состав преступления. Статья 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» устанавливает ответственность за «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние... повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан...». Ответственность здесь усиливается в двух случаях: при наличии специальных признаков субъекта преступления либо при причинении тяжких последствий. Первый случай к данной теории не имеет никакого отношения. Во втором законодатель не устанавливает каких-либо дополнительных условий для наступления последствий. Должностное лицо выдало незаконное разрешение на открытие продовольственного магазина, и гражданин, закупивший испорченные продукты для свадьбы, их выбросил. При аналогичных действиях должностного лица он умер. С бытовой точки зрения, должностному лицу не повезло. В уголовно-правовом понимании необходимо установить, являются ли действия должностного лица причинившими смерть человека или с позиций адекватной теории они случайны.

3. Теория законных условий. Ее автором считается К. Энглиц, чьи работы неоднократно издавались на русском. Сформулированный им принцип каузальности выглядит так: «Деяние... является причиняющим конкретный результат, ограниченный в соответствии с определенным составом преступления, если из этого деяния будут выводимы следующие друг за другом во времени изменения внешнего мира, которые с этим деянием и друг другом были связаны последовательно и закономерно и проявились в такой составной части конкретного фактического состава, которая является результатом по уголовному закону».¹⁶ Со ссылкой на Энглица, но в собственной редакции смысл адекватной теории лучше передает К. Роксин: «Сегодня можно исходить из того, что то или иное условие адекватно (т. е. соразмерно результату), если возможность наступления результата повышается на несущественным образом, если в целом

не является невероятным, что данное деяние влечет за собой данный результат».¹⁷

Критика этой теории, в частности, состоит в том, что неизвестно, с какой и чьей точки зрения все это нужно рассматривать до деяния, после деяния, с позиций субъекта, третьих лиц, общенаучных знаний? Все эти подходы могут быть применены, но нормативной основы они не имеют. Но и данная теория рассматривается некоторыми исследователями не как каузальная, а как теория объективного вменения.

4. Теория объективного вменения результата. Создание этой теории, как уже отмечалось, связано преимущественно с именем К. Роксина. Он, правда, ссылается на ряд предшественников, способствовавших ее возникновению. Сторонниками теории являются и ряд других криминалистов Германии. В самой общей формулировке она означает, что причиненный поведением человека результат объективно вменим только тогда, когда это поведение создало осуждаемую правую опасность для поврежденного правового блага и именно эта опасность воплотилась в результате, предусмотренном составом деяния. Объективная невозможность наступления результата исключает его вменение.¹⁸

Эта теория, таким образом, рассматривается как решающая собственно правовые вопросы, хотя и на фактической основе, и она обращена в основном к оценке риска, созданного субъектом деяния. Она также заслуживает внимания, поскольку расценивается как некоторое движение вперед и в определенном смысле новое слово в уголовном праве, хотя, по мнению ряда авторов, включая судью Фишера, она эксплицитно судами не признана. Следует признать: как все, что претендует стать новым словом, эта теория вызвала резкую критику в немецкой литературе, в частности, в статье достаточно авторитетного криминалиста Эрика Хильгендорфа «Для чего нам нужно "объективное вменение"? Скептические раздумья на примере уголовной ответственности за изготовление причиняющих вред продуктов». Автором рассматривается понятие «продуктхфугнт», которое охватывает случаи ответственности производителя за вред, причиненный потребителям.¹⁹

Название этой теории заслуживает некоторого разъяснения ввиду несоответствия с известным в отечественной литературе совершенно правильным отрицанием возможности наступления ответственности без вины. Здесь речь идет о другом, и принцип вины никак при этом не затрагивается. Авторы и сторонники теории считают, что причинность является объективной связью, которая сама по себе должна существовать в плоскости объективной стороны. Это не должно вызывать возражений российского читателя, поскольку, как бы ни понимать причинную связь, она все равно и не случайно рассматривается в объективной стороне, являясь, по меньшей мере в этом смысле, объективной.

¹⁵ Roxin C. Strafrecht Allgemeiner Teil, S. 368.

¹⁶ Энглиц К. Каузальность как признак состава преступления. 1931. С. 21.

¹⁷ Roxin C. Strafrecht Allgemeiner Teil, S. 369.

¹⁸ Tonidale / Fischer. Strafrechtsblich und Nebenbesetze. S. 73.

¹⁹ Festschrift für Weber. 2004. S. 33 и сл.

Здесь нужно учитывать, что причинная связь в предметном и юридическом смысле может существовать и без вины, например при необходимой обороне от действий неменяемого лица. Эти действия невиновны, но по объективной стороне они являются причиняющими вред, поскольку нападшему лицу это удело. Понятие «вменяемое» означает то же самое, что оно означает в российской уголовно-правовой литературе, т. е. поставление в вину, но вина у нас рассматривается преимущественно как субъективный признак и надежнее — поставление в ситуацию уголовной ответственности. Хотя и в русском языке используются выражение «это ему поставили в вину», имея в виду — ответственность.

Смысл и значение теории объективного вменяния оцениваются по-разному, но позиции специалистов нередко определяются и не идущими к делу соображениями. Целесообразно подчеркнуть несколько обстоятельств. *Первое*. В немецкой литературе практического направления в основном кратко излагается эта теория и затем авторы сосредотачиваются на решении отдельных спорных вопросов. Так что и здесь проблема быст системы, но, пожалуй, именно потому, что найти систему пока не удается. *Второе*. Эта теория представляет определенные возможности для более надежного анализа отдельных ситуаций, нуждающихся в правовой оценке. *Третье*. Она инициирует исследования механизма «пука причинности», и прежде всего механизма субъектного поведения риска действия или бездействия.

Таким образом, понятие причинной связи — как показывает опубликованная практика ее установления и анализ теорий, освещенных в уголовно-правовой литературе, преимущественно российской и немецкой, — является в значительной степени неопределенным. Оно требует в ряде ситуаций решения вопроса применительно к отдельному случаю. Вместе с тем общими условиями накоплен практически важный материал, который может быть охвачен и в известном смысле преобразован в комплексной теории уголовно-правовой причинности. Она предполагает разграничение предметной и уголовно-правовой причинности, отсылает к проблематике уголовно-процессуального доказывания, освобождая от него уголовно-правовые оценки, и завершается процессом вменяния причинности отдельному субъекту уголовного права. Такой подход нагляден на то, что разграничить обычно пересекающиеся при решении проблем причинности вопросы реального существования тех или иных причин, их доказывания, признания ответственности лица за их наступление.

У. Итоговое понимание уголовно-правовой причинности

Оно включает в себя структурирование причинности, попытку разработки методик ее установления и вменяния.

1. Структура. Уголовно-правовой причиной является такое противоправное или, во всяком случае, иным образом запрещенное действие либо бездействие субъекта уголовно-правовых отношений, в том числе и неспособного, опирающееся в составе преступления, т. е. являющееся элементом преступления,

которым создана реальная опасность, риск или возможность создания общественно опасных, т. е. запрещенных уголовным законом последствий.

Уголовно-правовой причинной связью является связь между уголовно-правовой причиной и ее последствиями, проявляющаяся во внешнем мире как процесс преобразования действия или бездействия в последствие, могущий либо развиваться беспрепятственно, либо испытывать внешние воздействия, либо прерываться или преобразовываться. Каждый признак уголовно-правовой причины и причинности должен быть наличным и, соответственно, должен быть доказан, а лишь затем вменен, т. е. оценен как элемент основания уголовной ответственности, которым в российском уголовном праве, согласно ст. 8 УК, является совершение деяния, содержащего все признаки предусмотренного УК состава преступления. Последствия действия уголовно-правовой причины многообразны. Здесь ограничимся указанием на те изменения во внешнем мире или состоянии психики человека, в которые преобразуется энергия причины.

2. Методика установления уголовно-правовой причинности. Рассмотревшаяся ниже методика является попыткой слезать выводы из предшествующего изложения и излагается преимущественно как основа для дальнейшего исследования. Она обращена к уголовно-правовой оценке причинности и предполагает, что предметная причинность так или иначе установлена или рассматривается как установленная.

Эта методика состоит в последовательной трехшаговой оценке уголовно-правовой причинности как одного из элементов основания уголовной ответственности на основе предписаний уголовного закона и доктринальных суждений. *Первый шаг*: фактическое описание причины, предметной причинной связи и ее последствий. *Второй*: перевод ее в уголовно-правовую форму. *Третий*: решение о возможности ее вменяния субъекту деяния.

Пример разграничения шагов методики. Субъект К. стрелял в тире. Это толкнули, и он произвел выстрел, которым был ранен Т. Предметная причинная связь между выстрелом К. и ранением Т. гипотетически налицо. Она должна быть описана в признаках состава преступления как действия в уголовно-правовом смысле, т. е. вопреки и контролируемые, правомерные или противоправные, а К. — как вменяемое или невменяемое лицо. Наконец, решение. Если действия К. им не контролировались, то вменить ему причинную связь как элемент основания уголовной ответственности нельзя.

Еще один пример. Рухнула крыша. Установлены проблемы в оформлении документации. Использован менее надежный материал для покрытия крыши. Нет сведений о процессе эксплуатации, в частности о соблюдении правил уборки, профилактического ремонта и пр. Анализ причинной связи останавливается на доказывании ее предметности.

В уголовно-правовой доктрине в настоящее время, по всей видимости, не найдены общепризнанные, причем опирающиеся непосредственно на уголовный закон критерии и демонстративные признаки проявления уголовно-правовой причинной связи, распознавания и оценки индивидуальных причинных

связей, пригодные для различных типовых и практически возможных ситуаций. Вместе с тем общие уголовно-правовые предписания и выдвинутые в доктрине суждения, возможно, позволяют вначале выделить наиболее надежные в правовом смысле данные о механизме причинности, а затем на этой основе выявить гарантийные критерии его оценки.

А. Предметное описание причинной связи. Для целей уголовного права причинная связь должна быть выделена из иных возможных связей возмездия. Если какая-либо связь возмездия установлена, но не признается причинной связью, то она и не может входить в структуру объективной стороны состава преступления. Например, моббинг, т. е. систематические и целенаправленные преследования по месту работы коллег или подчиненных, может быть связан с самоубийством, но не во всех случаях будет признан его причиной.

Причинной, без добавления «уголовно-правовой», традиционно и без особого обоснования признается связь, порожденная действием или бездействием субъекта и состоящая в позитивной или негативной передаче воле энергии, которая либо вызвала, либо способна, как показывает имеющийся опыт, вызвать фиксируемые изменения во внешнем мире. Предметное описание причинной связи должно быть пригодно для перевода в уголовно-правовую форму и последующего получения уголовно-правовой ее оценки.

Однако в данном случае предполагается, что приведенное только что или иным привелимым в уголовно-правовой литературе определение причинности далеко не всегда дают такую возможность. Они, как правило, основываются лишь на традиции либо на актуальном социальном опыте, сложившемся в рамках культуры данного общества. Естественные науки, по распространённому и достаточно авторитетному мнению, понятие причинности, во всяком случае пригодное для применения в юриспруденции, не вырабатали. Специалисты в области этих наук определяют наличие тех или иных связей в рамках своих профессиональных познаний, но также опираясь преимущественно на сложившиеся предположения, лишь чаще получающие экспериментальное подтверждение.

Следовательно, уголовное право также должно для получения предметного описания развивать, конкретизировать имеющийся социальный опыт, но основываясь при этом на своих исходных положениях и задачах. Это утверждение вызывает возражения, но они оторваны от реальности. Одно дело указать на причины поведения с криминологических позиций, когда это важно для статистически обосновываемого прогноза. Совсем другое значение имеет вывод, что действия Х. привели к обрушению крыши. Он должен быть, что крайне важно, пригодным для того, чтобы быть выписанным в структуру основания уголовной ответственности.

Предметная характеристика возможной причинной связи вполне может и в конечном счете вынуждена основываться на представляющих опытного характера. Можно считать, что попаданием пули в человека признается смерть, приказом начальника вызывается определенное поведение, курение и потребление наркотиков влечет существенный вред для здоровья. Все это в рамках

уголовного права лишь гипотезы или версии, подлежащие проверке. Обязательным и вполне естественным компонентом проверки является предметная конкретизация проверяемой причинной связи.

Распространяется она на действие (бездействие), характеристику возмездия энергии и последствия, в которых энергия реализуется. При этом под возмездиями энергии по существу понимаются представления о сумме фактических информационных сигналов, совершение или несовершение физических усилий, пригодных для наступления физического, психического и собственно поведенческих изменений во внешнем мире. Это значит, что причинная связь рассматривается предметно как связь порождающего возмездия энергию поступка с определенным физическим актом или состоянием. Отсюда необходимость установления: а) субъекта, совершившего или не совершившего действия, порождающие возмездиями возмездиями энергией; б) характера энергии, интензивности и продолжительности ее действия; в) изменений во внешнем мире. Это требование не есть чисто теоретическое. Принятие решений коллективом, неопределенная ответственность за то или иное решение, распределение функций, роль в механизме деяния и пр.

В этой процедуре устанавливается также характер действий (бездействия), связанных с порождением возмездиями энергии, их управляемость и направленность, наличие ряда возмездиями связей, их кумуляция, перемены одной или нескольких из них. Центральным и вызывающим наибольшие трудности является, разумеется, момент превращения энергии во внешние изменения, в последствии преступления. В сущности, все усилия уголовного права и сама потребность в уголовно-правовом подходе определяются наличием трудностей такого рода и необходимостью их преодолеть.

При этом нужно считаться с возможностью того, что не удастся обнаружить признаки, предметно демонстрирующие превращение возмездиями энергии в изменения, либо ввиду неадекватности специальных знаний, либо ввиду слишком неопределенного описания общественно опасных последствий. Первый случай, например, возможен при совершении деяний, связанных с эксплуатацией сложных сооружений, когда непознаваема цепь событий. Второй — при использовании таких конструкций, как «тяжкие последствия» и пр.

Причинная связь, таким образом, может быть предметом последующей оценки только как индивидуальная, реализуемая в общественно опасных по следствиях, оградительная во времени и пространстве. Соответственно, возможно не только установление нескольких причинных связей, но и выделение нескольких самостоятельных этапов осуществления причинной связи в случае ее предметной неоднородности.

Б. Описание причинной связи в структуре объективной стороны преступления. Предметное описание связи между поведенческим актом и последствием должно быть переведено в уголовно-правовое описание, включаемое в объективную сторону преступления, в структуре которой находится причинная связь.

Она, как уже отмечалось, в уголовно-правовой традиции, господствующей в российском праве, есть признак объективной стороны преступления, т. е. некая оценка существующей предметности в данном случае. Решение о наличии причинной связи поэтому должно быть именно введено в структуру оценки объективной стороны и тем самым, в частности, отделено от описания формы вины.

В признаках объективной стороны должно быть прежде всего описано действие как причина. Здесь есть или иногда возникает проблема оценки противоправности данного действия. Следует полагать, что в принципе предметной причиной может быть любое действие, но при описании его в структуре преступления должна быть установлена его противоправность.

Например, по ст. 286 УК это только действия, явно выходящие за пределы полномочий, и, следовательно, любые правомерные действия источником причиняющего воздействия быть не могут и не могут рассматриваться в рамках причинной связи. Это относится и к причинению смерти. Э. Ф. Побегайло правильно предлагает писать о неправомерном причинении смерти, ибо за причинение смерти во время войны дано ордена, опровергает тем самым заодно и вывод о достаточности уголовно-правовой противоправности. Последнее замечание, впрочем, относится к другой теме.

Необходимость перевода предметной характеристики в систему признаков конкретного состава преступления распространяется и на его последствия. Необходимо отметить, что описание последствий на грани потери какой-либо определенности крайне опасно и, по существу, превращает состав преступления из результативного в состав беспоследственного деяния, а нередко вообще лишает его свойств уголовно-правового института и переводит в способ маскировки произвола.

Тем не менее очевидно, что причинение смерти описывается определенным образом, впрочем вызывая споры о правильности описания. Что же касается подделки подписей избирателей, повлекшей существенное нарушение прав и законных интересов граждан, то здесь перевод этого признака в конкретизированную правовую форму вообще вряд ли возможен, особенно после формирования разумной позиции судебной практики, по которой такое нарушение должно влиять на результаты голосования.

В. Привяжите уголовно-правового решения о наличии причинной связи. Это, по понятным основаниям, наиболее сложная проблема, и ее разработку следует активно продолжать. Такое решение должно соответствовать общим требованиям о легитимности уголовно-правовых решений, т. е. основываться на законе. Здесь необходимо обращаться к рассмотренным ранее позициям, выраженным в теоретических связях и объективного вменения, во всяком случае в части общезначимых утверждений и рекомендаций. Для удобства в структуре принятия уголовно-правового решения выделим предпосылки принятия, разграничивая их на уголовно-процессуальные оценки и уголовно-правовые основания и основной вопрос, а именно: вменение причинной связи или отказ в этом.

Уголовно-процессуальные оценки преимущественно относятся к предметной стороне причинности. Основания же уголовно-правового решения состоят в правовой оценке каждого действия (бездействия), т. е. каждого элемента деяния по критериям их противоправности и общественной опасности, с учетом задач уголовного права и соответственно связанных с ними целей наказания. Это значит, что вывод о наличии причинной связи между повеленческим актом и последствием должен соответствовать требованиям к признакам преступления, как они регламентированы ст. 14 УК.

3. Вменение причинной связи, повторим, основано на некоторых исходных для ее проверки положениях. Ими являются: установление противоправности повеленческого акта и последствий, о чем собственно уже не раз говорилось; оценка и признание взаимодействия между поступком и последствием в качестве объекта дальнейшего рассмотрения, включая вывод о возникновении изменений во внешнем мире.

Анализ возможности вменения начинается с определения особенностей проверяемой причинной связи и выявления уголовно-правовых требований к ней. Можно полагать, что такие требования различаются от вида причинных связей.

Известно, что на практике, так или иначе, возникает вопрос о содержании таких видов причинности, как введение в заблуждение, вовлечение в совершение преступления и пр. Этот вопрос возникает и в весьма сложных ситуациях на бирже и в ситуациях, традиционно весьма распространенных. В частности, лицо может нести уголовную ответственность по ст. 185 УК за вменение в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации, если эти действия причинили какому-нибудь гражданину крупный ущерб. Но до возникновения ущерба гражданин должен что-то сделать: продать или купить бумаги, во всяком случае это наиболее распространенная ситуация. Возникает вопрос о причинной связи: бумаги куплены из-за информации или лицо и так бы их купило? Ответ на этот вопрос стоит очень много денег, а иногда стоит свободы.

В связи с этим целесообразно классифицировать уголовно-правовые причинные связи по характеру деяния и субъекту его совершения, прежде всего в соответствии с конструкциями составов преступления.

В первом случае выделим как подвиды: а) традиционно признаваемые причинными связи поступка и результата или связи создания конкретной либо абстрактной опасности, нуждающиеся в доказывании как порождение одного признака другим признаком, например убийство; б) связи между противоправными действиями, предшествующими преступлению, и осуществлением деяния, например отмыкание денег; в) внутренние связи состояния, включая завершенность действия (бездействия), например получение взятки; г) связи между элементами состава, включая понуждение к действию или вовлечение в действие, например вовлечение лица, понуждение государства, организация массовых беспорядков и пр.

Во втором случае разграничим принципиальную возможность создания причинности рядом лиц и рядом поступков и принципиальную возможность создания причинности только одним лицом, а именно субъектом действия (бездействия).

Иными словами, необходимо определить, какие требования уголовный закон предъявляет к данной причинной связи, например, как отмечал В. Н. Кудрявцев, некоторые последствия могут вообще быть причинены только действиями, указанными в законе. На этой основе дается правовая оценка действий субъекта как реализующих требования уголовного закона к причинной связи, проверяемой в данном случае.

С учетом характера проверяемых связей можно выделить ряд объективных критериев их изменения субъекту.

Их первая группа относится к характеру пусковых действий, т. е. волевому и контролируруемому созданию субъектом неразрешенного дополнительного риска или дополнительной опасности наступления последствий, относящихся к составу уголовно наказуемого деяния. При этом должны рассматриваться невозможность исключить риск без включения посторонних воздействий, правомерность риска, пригодность повышенного риска к реализации в происшедших изменениях, направленность действий и их материальная оценка по масштабам существующего правопорядка.

Вторая группа — это такие критерии, как управляемость цепи событий, т. е. осуществления причинной связи, пригодной для внесения изменений во внешний мир, наличие контроля субъекта за ходом действий или развитием цепи причинности и пр.

Смысл использования этих критериев, в сущности, состоит в создании возможности традиционного уголовно-правового анализа изменений реальной действительности привычными приемами уголовно-правового моделирования. Однако, повторим, вся проблема уголовно-правовой причинности нуждается в дальнейшем исследовании. Пока нет подхода, который соответствовал бы всем требованиям, вытекающим из природы уголовного закона и потребности практики.

РОССИЙСКИЙ ЕЖЕГОДНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА

Главный редактор
Б. В. Волженкин

Директор Издательства
Е. Ю. Новиков

Редактор: *И. А. Бойцов*

Корректор: *М. В. Бухаркина*

Тех. редактор и компьютерная верстка: *Е. Е. Кузьмина*

Дизайн обложки:

Н. В. Родченко

Подписано в печать 07.05.2007. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 77,8. Усл.-печ. л. 50,0.
Заказ № **411**.

Издательский Дом СПбГУ

199004, Россия, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Тел./факс: +7 (812) 324 2193. Тел. (812) 329 2823

www.lawpress.ru

E-mail: info@lawpress.ru

Типография «Береста»
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28